

РЕЦЕНЗИИ

© Е.И. Филиппова. Рец. на: *Pesteil P. Les productions alimentaires en Corse, 1769–1852. Ajaccio: Éditions Alain Piazzola, 2016. 330 p., илл.*

Книга французского антрополога Филиппа Пестея “Пищевое производство на Корсике” охватывает период от французского завоевания острова до начала Второй империи, на протяжении которого сменяется несколько политических режимов (абсолютная монархия, республика, империя, конституционная монархия). В эти же годы (1769–1852) начинается промышленная революция, однако радикальные потрясения корсиканской сельскохозяйственной общины, ориентированной на минимальное самообеспечение, наметятся лишь в конце этого периода. Таким образом, выбор хронологических рамок исследования позволяет его автору проанализировать систему традиционного производства и потребления продуктов питания на острове и зафиксировать начало ее слома, означавшего также подрыв традиционной социальной организации корсиканского общества — на 85% сельского к началу драматических перемен.

Данное “этноисторическое исследование экономического развития”, как называет его сам автор (с. 20), стало возможным благодаря наличию большого количества письменных источников, как архивных, так и опубликованных, содержащих богатую этнографическую информацию. Для Старого режима это земельный план, составленный королевскими инженерами, и опись сеньориальных повинностей (терье). Для послереволюционного времени основными источниками стали масштабные правительственные анкеты, в первую очередь “Анкета года десятого” (по революционному календарю), ценность которой состоит как в ее подробности и основательности (260 вопросов), так и в том, что заполняли ее мэры коммун, представляя “взгляд изнутри” на корсиканское общество. К сожалению, эти анкеты сохранились лишь для части территории, поэтому автору приходится дополнять их более поздней и менее подробной сельскохозяйственной анкетой 1829 г. Кроме того, сложный политический контекст первых послереволюционных лет, безусловно, заставляет относиться к информации, исходящей от мэров или мировых судей, с известной осторожностью. Ф. Пестей обращает внимание на разную тональность ответов: одни отличаются тщательным и детальным описанием местных реалий, другие — лаконичны и уклончивы, возможно, из опасения навлечь неприятности на коммуну и ее жителей. Весьма вероятно, что отвечающие на анкету были несвободны от собственных политических симпатий или антипатий. Не исключено также, что они могли несколько сгущать краски, сознательно рисуя картину крайней нужды.

Помимо указанных выше основных источников существует большое количество докладов представителей центральной власти — губернаторов и префектов — и статистические материалы, особенно многочисленные для периода Реставрации и Июльской монархии, а также записки богатых путешественников, известных и тех, чьи имена не сохранились. Все эти разнообразные документы несут на себе

Елена Ивановна Филиппова | <http://orcid.org/0000-0001-9186-6763> | elena_filippova89@yahoo.fr | д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 201–204. <https://doi.org/10.31857/S086954150004872-9>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

отпечаток своего времени, отражают состояние общественных представлений, опасения и надежды, связанные с насаждением централизованным государством либеральной рыночной экономики, а также различные формы сопротивления корсиканского общества этим переменам. Автор обоснованно рассматривает многие документы как “этнотексты”, близкие к “полуформализованному интервью” (с. 20), и обильно цитирует их, как это свойственно антропологическому письму в отношении устных источников, впервые вводя в научный оборот многие малоизвестные документы. Можно пожалеть только об отсутствии подробной характеристики используемых архивных и опубликованных материалов. Было бы интересно больше узнать об их авторах, обстоятельствах их создания, особенностях изложения и т.п.

Лейтмотивом документов, вышедших из-под пера различных представителей администрации, а также путешественников, является недоумение перед лицом парадокса: остров, обладающий богатым потенциалом — плодородными почвами и мягким климатом, не в состоянии прокормить своих немногочисленных обитателей. Две трети земель не обрабатываются, заболочены или/и заросли кустарником, местные породы скота (за исключением свиней) отличаются небольшими размерами, худобой и низкой продуктивностью. В огородах редко растет что-то кроме лука и капусты; плодовые деревья, не получая должного ухода, приносят фрукты, похожие на дички. Оливы, посаженные слишком близко друг к другу и не знающие обрезки, дают мелкие плоды, из которых получается масло невысокого качества и в небольшом количестве. Виноград из-за несовершенства техники виноделия зачастую превращается в посредственное вино. Разве что молока производится достаточно, и из него получают разнообразные и вкусные сыры, составляющие во многих семьях основу питания. Вообще же пищевой рацион корсиканцев описывается как скудный и однообразный, временами и вовсе состоящий из хлеба из ячменной или каштановой муки и воды. Такое катастрофическое, на их взгляд, положение наблюдатели пытаются объяснить, дабы затем сформулировать рецепты по его улучшению. Ф. Пестей выявил и проанализировал основные объяснительные гипотезы и предлагаемые “оздоровительные меры”, а также представил собственное видение того, почему правительственные инициативы, направленные на модернизацию сельскохозяйственного производства и повышение его продуктивности, зачастую оказывались неэффективными и не принимались населением.

Основными препятствиями для высокопроизводительного сельского хозяйства на Корсике авторы рассматриваемой эпохи считали, во-первых, отсутствие гарантий безопасности — результат бесконечных войн и внутренних конфликтов, в которые остров был погружен на протяжении всего XVIII в.; во-вторых, нехватку рабочих рук — следствие низкой плотности населения, вынуждавшую привлекать работников-иностранцев (в первую очередь итальянцев); в-третьих, пережитки общинной организации (свободный выпас скота, высокая доля общинных земель) и особенности социально-классовой структуры общества (состоящего из множества мелких собственников земли, где фактически отсутствует промежуточный слой между пастухом или скромным ремесленником и аристократом, где почти нет ни крупных помещиков, ни рантье, мало банкиров и предпринимателей, еще меньше лиц свободных профессий), предопределенной местной системой наследования, при которой земли и имущество делятся между всеми детьми, не исключая и дочерей. Но основной проблемой внешние наблюдатели в один голос называли “леность” местных жителей, равнодушных к прогрессу, слишком сильно держащихся за свои обычаи и враждебных всяким нововведениям (с. 54). Жером-Адольф Бланки, французский политэконом, сын члена Национального конвента Жана Доминика Бланки и брат социалиста Луи Огюста Бланки, посетивший остров в 1838 г., охарактеризовал состояние корсиканского общества меткой формулой “анархия невежества и беспечность эгоизма” (с. 30).

Вдохновленные идеями Просвещения деятели революционной эпохи почитали первой необходимостью бороться с “архаизмами”, воспринимаемыми как тормоз на пути к процветанию и благополучию, к переходу от выживания к изобилию. При этом следовало преодолеть архаизм не только сельскохозяйственных техник и приемов (таких как сохранявшиеся еще практики подсечно-огневого земледелия, перелога или свободного выпаса скота) или общественной организации (покончить с общинными землями, которые обрабатываются с меньшим тщанием, чем собственные, а то и вовсе остаются невозделанными), но и нравов, смягчение которых (в частности, отказ от кровной мести) считалось необходимым условием для устойчивого производства. “Крестьянин должен быть уверен, что сможет собрать то, что посеял. На Корсике у него нет уверенности не только в этом, но иногда и в том, что, отправляясь на свое поле, он не рискует быть убитым”, — цитирует Ф. Пестей мемуары аудитора Государственного совета П.-А. Реалье-Дюма, датируемые 1828 г. (с. 59). Идеи социальной инженерии граничат у некоторых авторов с евгеникой — как, например, экстравагантное предложение наделять участком земли и денежной суммой каждого француза или француженку при условии заключения брака с корсиканкой/корсиканцем: “...такое смешение рас будет способствовать заселению [острова] и развитию сельского хозяйства, незаметно ослабляя узы семейной солидарности, способствующие изоляции местных уроженцев; супруги-французы приносят в корсиканские семьи потребность в культуре, пример трудолюбия, вкус к роскоши и новизне, станут объектом подражания...”, — пишет губернатор Корсики Э. Бийяр (с. 77). Наиболее радикально настроенные реформаторы идут еще дальше и предлагают переселить корсиканцев на континент, водворив на их место крестьян с континента. Однако в цитируемых источниках нет недостатка и в более реалистичных мерах, направленных на улучшение сельского хозяйства на острове. Краеугольным камнем представляется более эффективное использование земли, для чего следует не только окончательно разделить общинные земли между индивидуальными владельцами, но и обязать всех собственников обрабатывать свои участки, а главное — повышать их плодородие, равно как увеличивать продуктивность сортов. Для достижения этой цели создаются сельскохозяйственные общества и питомники для выращивания растений, завозится племенной скот. Но и эти инициативы наталкиваются на сопротивление. Элитные саженцы и подготовленный прививочный материал не находят покупателей, потомство племенных животных гибнет или вырождается из-за ненадлежащего ухода.

Почти половину объема книги занимают главы, в которых подробно рассматриваются различные составляющие пищи корсиканцев: от зерновых, мяса и молока до вина, меда и фруктов; не оставлены без внимания и продукты присваивающего хозяйства — охоты и рыбной ловли. И о чем бы ни шла речь — неизменна констатация архаичности техник и приемов, низкой производительности труда и качества продукции, отсутствия тщания в работе. Не подвергая сомнению тексты источников, Ф. Пестей в то же время напоминает читателю, что подобная “отсталость” была в изучаемое время характерна для многих сельскохозяйственных регионов Франции, за исключением наиболее развитых Нормандии и Бургундии. То же относится и к пищевому рациону их жителей, как в смысле скудности, так и невысокого качества, а значит, Корсика вовсе не являлась исключением из общего правила. Но основным выводом автора, пожалуй, является то, что сопротивление корсиканцев нововведениям далеко не всегда можно объяснить обычной леностью или косностью. В ряде случаев речь идет об осознанном выборе, а то и об идеологическом сопротивлении. В духе Р. Барта, утверждавшего, что власть состоит в способности навязать другому свой ритм, или А. Маалуфа, заметившего, что модернизация вызывает отторжение, если она воспринимается как “троянский конь” господствующей иностранной культуры, Ф. Пестей указывает на глубокое противоречие между француз-

ским “просвещенным деспотизмом”, насаждающим меркантилизм и либерализм, и традиционным образом жизни корсиканцев, в рамках которого “бесполезная”, с точки зрения стороннего наблюдателя, трата времени на поддержание семейных, соседских и общинных контактов (включая многочисленные праздники и различные формы досуга) представляет безусловную ценность, торговля, подрывающая важнейший для функционирования сообщества принцип дара и отдаривания, считается презренным занятием, а труд оправдан лишь в той мере, в какой это требуется для удовлетворения базовых потребностей. Автор ищет истоки этой системы ценностей в аристотелевской концепции города и гражданина, согласно которой честь и слава не добываются богатством, а свобода заключается в возможности распоряжаться своим временем, и в эгалитаристской идеологии влиятельного на острове Ордена францисканцев, проповедующей бедность и презрение к земным благам, а также напоминает о разнице между крестьянином, для которого труд на земле является образом жизни, и фермером, для которого земля — это капитал (с. 317–318). Наконец, констатируя, что последовательные усилия по модернизации сельскохозяйственного производства на Корсике так и не дали желаемых результатов, что в итоге привело к вытеснению местных продуктов импортными, он ставит более общий вопрос о глубине проникновения либерализма в корсиканское общество, на который еще предстоит ответить. Можно сформулировать этот вопрос и еще шире: насколько универсальны модели экономического и социального развития, начиная с колониальной эпохи и поныне навязываемые “развитыми странами” остальному миру, и почему некоторые общества оказываются невосприимчивы к этим моделям? Не является ли сопротивление корсиканского общества либерализации следствием (или оборотной стороной) присущего ему низкого уровня безопасности? Вот на какие мысли наводит чтение книги, посвященной системе производства и потребления пищи.

Book Review

Filippova, E.I. Review of *Les productions alimentaires en Corse, 1769–1852*, by P. Pesteil. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 2, pp. 201–204. <https://doi.org/10.31857/S086954150004872-9> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Elena Filippova | <http://orcid.org/0000-0001-9186-6763> | elena_filippova89@yahoo.fr | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)